

Зотов Д.В.

доцент кафедры организации судебной власти
и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВПО
«Воронежский государственный университет»,
кандидат юридических наук

ПРЕДМЕТ ПРАВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Дано обоснование предмета правовой экспертизы по уголовному делу, под которым автор предлагает считать установление на основе специальных юридических знаний, не составляющих исключительной компетенции функционеров судопроизводства, обстоятельств по определению содержания права и обстоятельств соответствия деяния лица правовым предписаниям.

Ключевые слова: доказательства, экспертиза, специальные знания, компетенция, функционер процесса

D. V. Zotov

Associate Professor of the organization of judicial authority and law enforcement activity department; Voronezh State University, Candidate of legal sciences

THE SUBJECT OF THE EXPERTISE OF LAW IN CRIMINAL PROCESS

The subject of legal expertise in the criminal proceedings, under which the author proposes to consider the establishment on the basis of legal knowledge the circumstances for the determination of rights and the circumstances of the act faces legal regulations is explained.

Keywords: evidence, examination, expertise, competence, a functionary of the process

Традиционно запрет на назначение и проведение юридических исследований в уголовном судопроизводстве связывался с п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее – Постановление «О судебной экспертизе»): «Судам надлежит учитывать, что вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение по ним не могут выходить за пределы специальных познаний лица, которому поручено проведение экспертизы (ст. 78 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Суды не

должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов, как не входящих в его компетенцию (например, имело ли место хищение либо недостача, убийство или самоубийство и т.п.)». Это положение получило в науке различное толкование. Систематизация имеющихся взглядов позволяет выделить следующие точки зрения по вопросу о недопустимости постановки перед экспертом правовых вопросов¹.

¹ Первоначально приведено в работе: Эскархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб., 2005. С. 63.

Первая группа ученых связывала соответствующий запрет с содержанием понятия «специальные познания». Так, Р. С. Белкин указывает, что необходимость применения специальных познаний является фактическим основанием для назначения экспертизы. Однако? в связи с отсутствием однозначной трактовки понятия «специальные познания» ученый ссылается на общепризнанное мнение о невключении познаний в области законодательства и правовой науки в круг специальных в смысле ст. 78 УПК РСФСР². Следует обратить внимание на то, что Р. С. Белкин – первый, кто говорит не только о знании права (законодательства), но и о знании положений науки.

Вторая точка зрения связана с особенностями компетенции эксперта, содержащей запрет отвечать на правовые вопросы. Ю. К. Орлов придерживается позиции, согласно которой «решение правовых вопросов (например, о виновности или невиновности, о квалификации преступления) образует исключительную компетенцию органов предварительного расследования и суда. Эксперт не вправе вдаваться в решение вопросов правового характера (например, имело место убийство или самоубийство, является ли недостача результатом хищения или халатности и т.п.), даже если они перед ним поставлены, а если он их все-таки решал, то его ответы не могут иметь какого-либо доказательственного значения»³. Позицию Ю. К. Орлова разделяет и Т. В. Аверьянова – заключение эксперта следует признавать недопустимым доказательством, «если эксперт при обосновании своих выводов вышел за пределы своей компетенции и присвоил не свойственные ему функции судебных и следственных органов по оценке имеющихся в деле доказательств»⁴. Со ссылкой на действующий УПК РФ излагает свои суждения А. В. Смирнов: «В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 57 эксперт не вправе выходить за пределы своей специальной компетенции, т.е. делать выводы по вопросам, которые не могут быть разрешены на основе его специальных познаний. Уголовно-правовая оценка фактических обстоятельств дела является

исключительным правом следователя, дознавателя, прокурора и суда»⁵.

И, наконец, третья позиция сводится к тому, что *вопросы права не могут являться предметом судебной экспертизы*. Здесь достаточно озвучить мнение М. С. Строговича: «Предмет любой экспертизы ограничен теми специальными вопросами, которые относятся к сфере компетенции экспертов. Поэтому экспертиза никогда не может выйти за рамки этих специальных вопросов и не может принимать на себя исследование вопросов, относящихся к компетенции непосредственно следствия и суда»⁶, либо же позицию Л. Д. Кокорева, емко и лаконично отмечающего: «К предмету заключения эксперта относятся лишь вопросы, находящиеся в пределах компетенции эксперта, его специальных познаний»⁷.

Однако каждая из представленных точек зрения является лишь научным мнением, а не официальным толкованием соответствующего положения постановления Пленума. Буквальное толкование этого положения, по мнению А. А. Эскархопуло, обнаруживает, что «речь в нем идет не о праве или отсутствии права ставить или решать юридические вопросы, а о пределах компетенции судебного эксперта, который, не будучи специалистом в области права, но все же решая поставленные перед ним судом юридические вопросы, выходил за пределы своей компетенции <...> Ни о каком превышении прав ... со стороны следователя, ставящего перед экспертом юридические вопросы, ни тем более об отсутствии таковых у эксперта, компетентного в правовых вопросах, речи не шло, и идти не могло, поскольку запрета формулировать правовые вопросы экспертам не содержал ни один отечественный законодательный акт»⁸.

⁵ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 2005. С. 202.

⁶ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 440.

⁷ Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательство и доказывание. Воронеж, 1995. С. 199; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 174. Близкой к представленной является точка зрения В. А. Лазаревой: «Специальные знания ограничивают пределы компетенции эксперта; он вправе отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы его специальных знаний (п. 6 ч. 3 ст. 57 УПК РФ). К числу последних традиционно относят правовые вопросы» (см.: Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2010. С. 281).

⁸ Эскархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов... С. 63.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 702.

³ Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С. 124.

⁴ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М., 2006. С. 186.

Такая позиция совершенно справедлива в части отсутствия прямого запрета. Однако, правда и в том, что отечественное законодательство в равной мере не содержало положения, предоставлявшего соответствующую возможность по постановке правовых вопросов. Приведенные суждения являются примером широкой трактовки диспозитивности – «что не запрещено – разрешено». Такой подход в уголовном судопроизводстве, в отличие от гражданского, недопустим. Вариативность решения в уголовном процессе возможна исключительно в рамках имеющихся прав и обязанностей субъектов. В первую очередь это касается функционеров уголовного судопроизводства, для которых компетенция четко очерчена законом и выход за ее пределы запрещен.

Вместе с тем ограничение на постановку правовых вопросов следователем, хотя прямо и отсутствовало, но следовало из анализа ряда положений ранее действовавшего УПК. Среди них особое место занимают принцип презумпции невиновности и следующие из него правила о распределении бремени доказывания и невозможности возложения обязанности доказывания органами и лицами, осуществляющими производство по делу, на иных участников судопроизводства⁹. Сюда следует отнести и норму, определяющую предмет доказывания, – ст. 68 УПК РСФСР. Это обязывало следователя определять круг конкретных обстоятельств, подлежащих выявлению в каждом конкретном случае. И, наконец, ст. 127 УПК РСФСР, посвященная полномочиям следователя, четко закрепляла обязанность последнего *самостоятельно* принимать *все* решения о направлении следствия и производстве следственных действий, за законное и своевременное проведение которых следователь нес *полную* ответственность. Поскольку одной из приоритетных задач следствия является правильная квалификация, правильное применение уголовного закона должно было входить в предмет про-

цессуальной самостоятельности следователя и составлять его исключительную компетенцию.

Несмотря на эти уточнения, научная и практическая ценность исследований А. А. Эксархопуло состоит в формировании обоснованной позиции отсутствия прямого запрета на использование юридических знаний как специальных, что открывает легальные перспективы для назначения и производства правовых экспертиз в уголовном судопроизводстве.

Традиционным шагом в обосновании любого вида судебной экспертизы является определение ее предмета. Под предметом судебной экспертизы понимают установление на основе специальных знаний обстоятельств дела (сведений о фактах), имеющих значение для судопроизводства¹⁰. Такое определение характерно для экспертизы в целом («в ее общем, родовом или видовом понятиях»). Поэтому предмет экспертизы предопределяется не объектом исследования и вопросами следователя или суда, а положениями той науки, на которой основывается экспертиза и, соответственно, возможностями последней. Поскольку в основе правовой экспертизы лежат знания юридических наук, то их исследование является первоочередным.

В представленных выше научных позициях, основанных на различном толковании соответствующего положения Постановления «О судебной экспертизе», налицо подмена понятий. Ученые правомерно утверждают, что юридические знания эксперта, затрагивающие вопросы исключительных полномочий функционеров процесса, не могут ни формировать компетенцию эксперта, ни входить в предмет судебной экспертизы. И с этим невозможно спорить. Однако вывод о недопустимости именно таких «исключительных» юридических знаний автоматически распространяется на любые правовые знания, в том числе и на знания, не составляющие прерогативу следствия и суда. Поэтому к пониманию юридических знаний в уголовном процессе должен быть выработан новый подход, их следует рас-

⁹ Хотя в отечественном законодательстве презумпция невиновности впервые была закреплена в Конституции РФ 1993 г., ее нельзя было не учитывать и считать формально-абстрактной декларацией. (См. об этом подробнее: Либус И. А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981. С. 64–100). Презумпция невиновности была закреплена во Всеобщей декларации права человека (1948 г.), в Международном Пакте о гражданских и политических правах (1973 г.). Эти акты были ратифицированы СССР.

¹⁰ С различными уточнениями, не имеющими принципиального значения для настоящего исследования, такое определение приводится в следующих работах: Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М., 2006. С. 77; Майлис Н. П. Введение в судебную экспертизу. М., 2004. С. 5; Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 24.

смаатривать дифференцированно, а не монолитно.

Применительно к проблеме правовой экспертизы знания могут быть разделены на:

1) составляющие исключительную компетенцию функционеров уголовного процесса;

2) не составляющие такой компетенции.

Каждая из этих групп имеет свое содержание и особенности процессуальной регламентации.

Очевидно, что к **юридическим знаниям первой группы** следует относить знания в области уголовного права и процесса, содержательно формирующие профессиональную компетенцию дознавателя, следователя, прокурора и суда, которая позволяет этим участникам судопроизводства принимать уголовно-процессуальные решения. Ядром исключительной компетенции этих функционеров процесса является решение вопросов правовой квалификации и привлечения к уголовной ответственности. Поэтому недопустимыми будут вопросы эксперту о форме вины, о наличии состава преступления, о доказанности совершения преступного действия определенным лицом, о законности и обоснованности уголовного преследования и т.п. Так, следует критически отнестись к прозвучавшему предложению о возможности разрешения экспертом следующих вопросов: Каковы основания, условия и характер (вид) ответственности за нарушение исследуемой нормы права? Кто должен нести данную ответственность? Совершались ли участниками исследуемого правоотношения какие-либо умышленные действия, искажающие смысл общепризнанного понимания нормы, его регулирующей?¹¹ Такие вопросы недопустимы и искажают смысл юридической экспертизы. Следует согласиться с позицией В. С. Балакшина, считающего, что «табу для экспертов должны представлять вопросы, касающиеся виновности лиц, квалификации их действий, достаточности, допустимости и относимости доказательств, имеющих в деле, применения норм уголовного и процессуального закона, исключаящих уголовную ответственность либо наказание»¹². Поэтому недопустимы

экспертные заключения «о качестве предварительного расследования», «об обоснованности осуждения», «о соответствии требованиям УПК», а также иные подобные исследования, приводимые в качестве примера А. А. Эксархопуло. Здесь усматривается некоторое противоречие, поскольку сам ученый, определяя профессиональную компетенцию функционеров процесса, полагает, что они «профессионально обязаны разбираться прежде всего в тех отраслях права, нормами которых, во-первых, они руководствуются, принимая решения в пределах предоставленных полномочий; во-вторых, в тех нормах, которыми регламентирована их собственная деятельность и, в-третьих, деятельность, им поднадзорная (подконтрольная). Знания иных отраслей права субъектами уголовно-процессуальной деятельности оказываются востребованными по мере необходимости и только для оценки тех событий, которые могут иметь уголовно-процессуальное значение, но лежат в сфере правоотношений, далеких от уголовного судопроизводства»¹³.

Однако не все знания криминально-правового цикла составляют исключительную компетенцию функционеров процесса. Например, спорными выглядят утверждения о том, что «специальными предлагается признать те юридические знания, которые выходят за рамки уголовно-процессуального права, уголовного права, криминалистики в объеме программы вузов»¹⁴, либо случаи, когда к «исключительным» юридическим знаниям относят «методики расследования преступлений и тактику производства следственных действий»¹⁵. Во-первых, криминалистические знания сложно назвать юридическими в понимании, пригодном для объяснения сущности правовой экспертизы. Криминалистика собственно правом не занимается, поскольку в ее арсенале отсутствуют средства по исследованию правоотношений. Криминалистике не

доказывания по уголовному делу // Законность. 1999. № 1. С. 38.

¹³ Эксархопуло А. А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела... С. 71.

¹⁴ Цаплин А. С. Проблемы использования специальных знаний представителем потерпевшего и защитником в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 67.

¹⁵ Бишманов Б. М. Эксперт и специалист в уголовном судопроизводстве. М., 2003. С. 32.

¹¹ См.: Жариков Ю. С., Шамаров В. М. Правовые экспертизы в механизме уголовно-правового регулирования // Вестник екатерининского института. 2008. № 4. С. 12.

¹² Балакшин В. Заключение эксперта как средство

соответствует ни одна отрасль права, хотя ее предмет и объекты познания, функционал и многие рекомендации лежат в сфере правовых явлений¹⁶.

Во-вторых, указание на «объем программы вузов» выглядит неоправданно «стабильно оптимистичным» и нереальным не только потому, что на протяжении десятилетий мы живем в условиях продолжающегося реформирования системы образования, порождающего всё новые взаимосоключающие стандарты, но и в связи с реально различающимся количеством часов и качеством преподавания соответствующих дисциплин. Поэтому объективное ограничение специальных юридических знаний, составляющих компетенцию органов расследования и суда, возможно исключительно в рамках (объеме) действующего законодательства.

Юридические знания второй группы целесообразно разделить на два подвида:

- знания, основанные на нормах технического характера;
- «чистые» («некриминальные») юридические знания.

Правовые знания технического характера практически всеми признаются специальными и имеют достаточно солидный опыт применения при производстве судебных экспертиз, что и объясняет их отнесение к самостоятельной подгруппе. Использование экспертом научно-технических правил, содержащихся в нормативных актах (например, в инструкциях по технике безопасности движения, горных и строительных работ, эксплуатации машин и механизмов, правилах бухгалтерского учета и т. п.), не является вторжением в исключительную сферу деятельности органов следствия и суда. При этом состав преступления не устанавливается, а решается вопрос о соответствии действий лица в данной обстановке конкретным нормативно-техническим требованиям.

Оставшийся **блок «чистых» юридических знаний** как раз и должен лечь в основу правовых экспертиз. К числу таких знаний должны быть отнесены самые

разнообразные сведения из различных отраслей права, которые могут быть востребованы участниками уголовно судопроизводства. Такие правовые знания должны признаваться специальными в смысле уголовно-процессуального законодательства.

В литературе высказана идея о возможности ограничения круга специальных знаний, которые могут быть востребованы при назначении и проведении юридических экспертиз. Предлагалось отнести к их числу знания в области налогового, гражданского, международного права и права иностранных государств¹⁷, либо ограничиться кругом отношений гражданско-правового содержания¹⁸. Перечисленные отрасли права, а также правовые системы зарубежья, очевидно, являются наиболее востребованными в практике расследования преступлений вследствие значительного числа составов УК РФ, содержащих экономическую или международную направленность. Однако исчерпывающая регламентация специальных знаний нецелесообразна, поскольку оставляет «за бортом» целый ряд отраслей права, которые могут быть востребованы правоприминителем. Поэтому именно потребность участников судопроизводства в тех или иных юридических знаниях делает их специальными, а вовсе не критерии частоты использования или их малой известности.

Таким образом, дифференциация юридических знаний открывает перспективы легального существования правовой экспертизы в уголовном процессе, но, вместе с тем, ставит задачу определения ее содержания в части вопросов, подлежащих разрешению в ходе юридического исследования. Данный вопрос является дискуссионным и продолжает обсуждаться научным сообществом.

Так, И. Т. Белов верно выделяет в правовой экспертизе процессуальное и аналитическое направления: «Во-первых, рассматривать правовую экспертизу можно как доказательство по делу. При этом правовая экспертиза в данном значении будет выступать как источник доказательств.

¹⁶ См.: Зотов Д. В. О некоторых аспектах соотношения криминалистики и уголовно-процессуальной теории доказательств // Воронежские криминалистические чтения. 2003. № 4. С. 123–134; Зотов Д. В. Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения: теоретические проблемы. Воронеж, 2005. С. 52–69.

¹⁷ См.: Донцов П. В., Бирюков П. Н. Расследование налоговых преступлений с «иностраным элементом»: правовые и криминалистические аспекты. Воронеж, 2003. С. 104–109.

¹⁸ Белов И. Т. Правовая экспертиза и ее роль в расследовании мошенничества, связанного с отчуждением жилых помещений. URL: http://pervomaycourt.oms.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep-&op=3&did=1

Например, в ходе исследования будут выявлены использованные при совершении мошенничества документы, а также лица, участвовавшие в преступлении. Предполагаемая схематичность заключения правовой экспертизы должна отражать каждый этап совершенного преступления в пределах затронутой отрасли права.

Во-вторых, информационно-консультационное значение, заключающееся в разъяснении каких-либо общих вопросов относительно процедуры отдельных действий в той или иной отрасли права, за исключением уголовной и уголовно-процессуальной. Данное значение носит справочный характер и доказательственного значения не несет»¹⁹.

А. И. Цаплин к числу задач судебно-нормативных экспертиз, относит:

«– разъяснение на основе профессиональных юридических знаний *правил применения нормативных и нормативно-технических актов*,

– разъяснение на основе профессиональных юридических знаний *сферы применения нормативных и нормативно-технических актов*,

– установление *соответствия* действий лиц предписаниям нормативных и нормативно-технических актов,

– установление *причинно-следственной связи* между соблюдением или несоблюдением нормативных и нормативно-технических актов и наступившими *последствиями*»²⁰.

Первые три задачи, направленные на установление содержания права и соответствия ему деяний субъекта, заслуживают поддержки и выражают суть потребности в специальных юридических знаниях. Однако последняя задача по установлению экспертом причинно-следственных связей между деянием и последствиями²¹ явно заимствована из исключительной компетенции функционеров судопроизводства, поскольку как элемент объективной стороны преступле-

ния является обязательной частью процесса уголовно-правовой квалификации. В этом же контексте замечание вызывает позиция автора о недопустимости постановки вопросов, которые могут «вторгаться в субъективную сторону преступления»²². С позиций исключительных полномочий по квалификации деяния органами расследования и судом, законодатель не определяет, какие элементы состава преступления (объект, субъект, объективная и субъективная стороны) могут быть установлены в результате экспертного исследования.

Л. В. Лазарева предлагает свой перечень общих задач, решаемых в рамках правовой экспертизы:

«– разъяснение на основе профессиональных юридических знаний правил применения *норм закона и подзаконных актов*;

– исследование материалов уголовного дела в целях решения вопроса о *квалификации деяния*;

– исследование норм, носящих *бланкетный (отсылочный) характер*, в целях правильной их трактовки правоприменителем;

– установление соответствия действий *должностного лица* определенным правилам, закрепленным в нормативно-правовых актах;

– установление *причинной* связи между несоблюдением каких-либо нормативных актов, регламентирующих профессиональную деятельность, и наступлением *вредных последствий*»²³.

Каждый из приведенных пунктов нуждается в уточнении.

Во-первых, вряд ли целесообразно ограничивать правовую экспертизу лишь законами, подзаконными актами, или, как ранее предлагал А. И. Цаплин, только нормативными актами. Такое ограничение оставляет за рамками юридического исследования солидный объем правовых актов, не являющихся нормативными.

Во-вторых, прямое указание на квалификацию недопустимо. Задачи правовой экспертизы сводятся к ответам на поставленные вопросы и не включают проблемы установления состава преступления. Тем более, что сама Л. В. Лазарева в предложенном определении предмета правовой экс-

¹⁹ Белов И. Т. Правовая экспертиза и ее роль в расследовании...

²⁰ Цаплин А. С. Проблемы использования специальных знаний представителем потерпевшего и защитником... С. 76–77.

²¹ Некоторые ученые также относят определение последствий преступного деяния к вопросам, разрешаемым при производстве правовой экспертизы (см.: Громов Н., Смородинова А., Соловьев В. Заключение эксперта: от мнения правоведа до выводов медика (обзор практики) // Российская юстиция. 1998. № 8. С. 29).

²² Цаплин А. С. Проблемы использования специальных знаний представителем потерпевшего и защитником... С. 79.

²³ Лазарева Л. В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза. 2014. № 4. С. 15.

пертизы не включает вопросы исключительной компетенции функционеров процесса: «предметом данного вида экспертизы являются фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые в судопроизводстве с использованием специальных знаний в различных отраслях права, на основе исследования норм права, подлежащих применению, и соответствия правильности их применения требованиям законодательства»²⁴.

В-третьих, нецелесообразно ограничивать возможность назначения юридической экспертизы лишь наличием затруднений по отсылочным статьям УК РФ. Пример бланкетных норм приводится как наиболее яркая иллюстрация необходимости легализации правовых экспертных исследований, но вовсе не для ограничительного толкования условий назначения подобной судебной экспертизы. «Обычные» нормы уголовного закона также могут потребовать обращения к специальным юридическим знаниям.

В-четвертых, соглашаясь с задачей установления соответствия действий определенным правилам, невозможно объяснить, почему возможность такого установления сводится лишь к одному субъекту – должностному лицу?

В-пятых, проблема установления элементов объективной стороны, в том числе и причинной связи между деянием и последствиями, есть исключительная компетенция органов предварительного расследования и суда.

Некоторые ученые²⁵ поддерживают позицию Ю. К. Орлова, согласно которой «предметом правовой (юридической) экспертизы, если таковая будет признана, может быть только вопрос о том, какой закон и подзаконные акты подлежат применению в данном деле»²⁶. Согласиться с этим сложно, поскольку подобное понимание правовой экспертизы несколько упрощает ее, выхолащивает исследовательскую часть и сводит экспертизу лишь к отсылке к необходимому нормативному источнику. Такое понимание правовой экспертизы привело Т. В. Аверьянову к справедливому выводу о

том, что «данную проблему можно решить и путем получения соответствующей научной консультации по правовым вопросам»²⁷. Контраргументом могут служить заверения в том, что юридическая экспертиза значительно шире и богаче по своему содержанию, нежели информационно-справочная деятельность по отсылке к тому или иному нормативному акту.

Оппоненты юридической экспертизы нередко предлагают в качестве ее альтернативы либо внепроцессульные консультации с компетентными юристами, в результате которых самому следователю станет понятно, «в чем здесь дело», либо получение справки от специалиста с последующим приобщением ее к материалам дела. Конечно, следует приветствовать пытливость и стремление следователя «докопаться до сути», его обращение к коллегам, ученым, преподавателям за разъяснением сложных вопросов. Однако особенность процессуальной деятельности заключается не только в собственном уяснении каких-либо положений, но и в обоснованном доведении их адресатам доказывания. Следователь не может «познавать и быть обладателем истинного знания «для себя», не заботясь о передаче и использовании этого знания другим, не стремясь обосновать, подтвердить, удостоверить, т.е. сделать его достоверным для всех»²⁸. Инструментом такой передачи знаний в уголовном судопроизводстве являются средства доказывания – доказательства. Поэтому со всей очевидностью следует утверждение о невозможности подмены полноценной судебной экспертизы любыми консультациями по делу.

Верно разграничивая заключение эксперта и специалиста как источники доказательств, Е. В. Ломакина пришла к выводу, что «“правовые экспертизы”, встречающиеся в судебной практике, по своей сути являются заключениями специалистов, помогающих суду сориентироваться в специфической и малознакомой области правового регулирования. Для изложения суждения по правовому вопросу не требуется проведение специальных исследований, а значит, разрешать правовые вопросы необходимо в форме заключения

²⁴ Там же. С. 15.

²⁵ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. С. 189; Моисеева Т. Ф. Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. URL: <http://www.iaaj.net/node/444>

²⁶ Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 20.

²⁷ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. С. 189.

²⁸ Ратинов А. Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 107.

специалиста»²⁹. Такой подход может быть поддержан лишь в одном – признании доказательственного значения за результатами применения юридических знаний в уголовном процессе, поскольку заключение специалиста также является источником доказательств. Однако автор недооценивает сложность современного права, его противоречивость, коллизионность, динамику изменений и принятия новых норм, а также особенности методов юридического познания, которые не всегда универсальны и доступны следователю и суду. Потребность в правовых исследованиях значительно глубже, нежели «ориентирующая помощь» специалиста, тем более, что проблема юридической экспертизы, как уже отмечалось, не сводится к указанию на тот или иной источник, который следствие и суд в состоянии отыскать самостоятельно. Проблема – в познании такого источника, а для этого нужен эксперт. Предложение об обращении к специалисту также подвергла критике Е. Р. Россинская: «законодатель,

давая процессуальную регламентацию заключению и показаниям специалиста, нигде не упоминает, что юридические знания не являются специальными. Однако во многих случаях просто консультации с использованием юридических знаний бывает недостаточно. Необходимы именно исследования по определенным вопросам права, результаты которых даются письменно и оформляются в виде заключения»³⁰.

Все изложенное позволяет сформулировать следующее определение предмета правовой (юридической) экспертизы в уголовном судопроизводстве: **предметом правовой экспертизы по уголовному делу следует считать установление на основе специальных юридических знаний, не составляющих исключительной компетенции функционеров судопроизводства, обстоятельств по определению содержания права и обстоятельств соответствия деяния лица правовым предписаниям.**

²⁹ Ломакина Е. В. Юридическая (правовая) экспертиза как форма использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2007. № 8. С. 329.

³⁰ Россинская Е. Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы // Argumentum ad iudicium. ВЮЗИ – МЮИ – МГЮА: Труды. М., 2006. Т. 2. С. 234–241. URL: http://rossinskaya.ru/articles/Trud_75.doc